

КОРАБЕЛЬНЫЕ ВАТАГИ (§ 18—24)

Из всего того, что помогает понять староегипетское общество, мало что так важно, как известия о корабельщиках. Это может показаться странным. Пусть суда много значили для египетского хозяйства, но как из всего трудового населения выдвигать на первое место корабельщиков? И все-таки так поступить правильно затем, что староегипетские корабельщики вовсе не были просто корабельщиками.

§ 18. На судах

Познакомимся сперва с вельможескими, затем с царскими корабельщиками. Начнем с вельможеских, потому что вельможеское хозяйство определяло лицо тогдашнего производства.

Собирательным обозначением для личного состава на частновладельческом судне было слово *йзт*. Его мы условимся передавать как «(корабельная) ватага». «Ватаги, что на воде», бегут подле парусного судна — четверо мужчин со свитой бечевою и жердью (*K'-м-рмч*, СЕ:ХС=МАЕ:177). Пятеро мужчин везут в большой лодке своего хозяина, отталкиваясь от дна шестами. Это «спуск в поморье», «отталкивание с ним (т. е. хозяином) ватаги его» (*Й-н-нфрт*, AeGGASK:IV+V=20). «Предводители ватаг дома собственного» стоят на носу парусника с гребцами (*Чий*, GT:LXXX=TT:XLVII). «Предводитель ватаги *Хънм-хътп*» распоряжается на носу гребного судна (*Нй-свт-нфр*, G III:167). Посреди парусника с гребцами стоит, склонившись перед вельможей, «предводитель ватаги» (*Чий*, GT:LXXVII). «Предводитель ватаги» *Йн-к* управляет корабельным парусом (*Tn-м-снх*, МАЕ:197). «Предводитель ватаги дома собственного» бежит с веслом подле корабля (*Чий*, GT:LXXX=TT:XLVII). «Предводитель ватаги» и «наставник ватаги» стоят на носу грузового судна (DAeAe II:LXII, ср. XLV). «Наставник ватаги» стоит среди гребущих гребцов, склонившись в сторону плывущего на судне вельможи (*Пхъ.н-в(й)-к'*, DAeAe II:XLV). С прибывших грузовых судов к управе вельможеского хозяйства направляется шествие с поносками. Это «доставка распорядителя ватаг вместе с предводителями ватаг

корабля», «доставка свертков предводителями ватаг» (*Шнсс-р^с*, DAeAe II:LXII). На парусном судне «распорядитель ватаг *Нфр-мнхт*» управляет парусом, а «распорядитель ватаг *Нфр-внт*» — кормилом (*Mpp-в (й)-к^с*, MM:CXXXIV). На похоронных судах вельможи один «распорядитель ватаг» стоит на носу с жердью для промера глубины в реке, другой, стоя же, управляет кормовыми веслами (*Пайи-снх*, RTM V:XLIII) или закрепляет (?) их (там же, RTM V:XLII), а то и просто стоит на корме (там же, RTM V:XLII). В другой раз «распорядитель ватаг» управляет кормилом похоронного судна сидя (там же, RTM V:XLIII). Из вельможеских владений пришли суда и частично уже выгружены. На одних, привезших разную живность, стоит на носу по почтительно склонившемуся навстречу хозяину «старшине древодельческой мастерской», очевидно построившей данное судно. На других же судах, пришедших с зерном и скотом, на носу стоит по склонившемуся «распорядителю ватаг», точнее, стояло, так как сполна уцелела лишь одна приписка и еще одна без первого знака («[распо]рядитель ватаг», TT:XIX=XXIV+XXVI); впрочем, сюда же, несомненно, относится обломок с совершенно сходными изображениями и подписями, в частности верхней частью склонившегося «распорядителя ватаг» (DARMK:XLVII=НАА:37). Совершенно бесспорно, что личный состав частновладельческих судов обозначался словом *йэт*.

Но сколько *йэт* было на одном судне? Обслуживала ли одна «ватага» несколько судов, или каждое судно имело одну, свою «ватагу», или же на судне состояло по нескольку «ватаг»? Поскольку подле одного судна бегут «ватаги, что на воде» (*К'-м-рмч*, СЕ:ХС=МАЕ:177), а на носу каждого пришедшего с зерном и скотом корабля стоит по своему «распорядителю ватаг» (*Чий*, TT:XIX=XXIV+XXVI), то, видимо, на одном судне могло быть по нескольку «ватаг». Что «ватаги» не были большими, следует как будто из того, что хозяина везет на утлой, связанной из осоки лодке не «ватага», а «ватаги его» (*Й-н-нфрт*, AeGGASK:IV+V=20). Но, вероятно, для небольшого судна довольно было одной «ватаги».

Перед нашими глазами постоянно мелькали три начальнических звания корабельных «ватаг»: «предводитель ватаги», «наставник ватаги» и «распорядитель ватаг». Кто из них был старше, кто — младше? «Распорядитель ватаг» (*ймй-р' йэвт*) был, разумеется, самым старшим. Он всегда распоряжается «ватагами» во множественном числе, тогда как другие два чина предводительствуют и наставляют обыкновенно по одной «ватаге», — слово «ватага» в их званиях выписано обычно не трижды, а всего единожды (исключение — «предводитель ватаг», TT:LII). Но кто был больше из них двоих — «наставник ватаги» (*схъджй йэт*) или «предводитель ватаги» (*xрп йэт*), из приводившихся мест нельзя усмотреть, и потому ответим на это позже.

Присматриваясь к изображениям частновладельческих «вата́г», замечаешь, что как гребцы и другие рядовые корабельщики, так и начальники носят очень простую, но тем не менее особенную одежду: на них всех обыкновенно узкий пояс с несколькими свисающими спереди полосками ткани. Простые корабельщики-ватажники: *K'-м-рмч*, СЕ:ХС; *И-н-нфрт*, AeGGASK:IV+V; *Нй-свт-нфр*, G III:167=X; «предводители ватаги»: *Нй-свт-нфр*, G III:167=X; *Чий*, GT:LXXX=TT:XLVII; «распорядители ватаг», TT:XIX=XXIV+XXVI. Правда, в более торжественных случаях ватажное начальство охотно облачалось в соответственную одежду — обматывало вокруг бедер цельный кусок ткани: на похоронах вельможи, управляя его погребальным судном (*Пий-снх Хъний*, RTM V:XLII, XLIII), шествуя в вельможескую управу (*Шпсс-р^с*, DAeAe II:LXII) и т. п. (*Mрр-в(и)-к'*, MM:CXXXIV). Ленточный передник не был присущ одним корабельщикам, его можно видеть иногда и на работниках, как будто бы никакого отношения к судоходству не имеющих, но на судах он был, бесспорно, принятою одеждой. Вельможеские гребцы и прочие вельможеские корабельщики и тогда, когда они не обозначены как «ватаги», хотя, несомненно, изображают их, тоже носят пояс с лоскутьями (например, DAeAe II:XCVI; *K'-м-снх*, G IV:V, VI). Такая одежда была особенно пригодна для работников, занятых часто в воде, так как не стесняла движений при плавании и быстро высыхала. Поэтому передник из раздельных полосок ткани надевали также иногда рыболовы (*Х^с.ф-р^с-снх*, DAeAe II:IX b). Ленточный передник считался, по-видимому, нарядом, свойственным особенно многоводному и заболоченному Низовью, главному месту деятельности лодочников, рыболовов, птицеловов и пастухов. Если верхнюю часть реки олицетворял тучный мужчина в своеобразном опоясании вроде носившегося соседями в западной пустыне (*C'хъ-в(и)-р^с*, GKS II:XXIX, XXIV; *Нфр-ир-к'-р^с*, GNK:29), то низовую часть реки олицетворяли такой же толстяк в ленточном переднике (*C'хъ-в(и)-р^с*, GKS II:XXX; иначе — *H(и)-вср-р^с*, GrKN:XVI).

Если корабельное начальство одевалось, бывало, не менее просто, чем подчиненные, его все же легко было признать по знакам руководства в руках. Таковыми были жезл, похожий на большую кисточку, и согнутый петлею жгут. Когда жезл бывает изображен подробно, то видно, что ствол его был как бы кольчатым, а расширенный его верх — как бы пуком волос (*Нй-свт-нфр*, G III:167=X)¹; может быть, то было искусственное подражание хвосту животного, некогда использовавшемуся на судах для подачи знаков корабельной дружине, а также для расправы с виновными. Этот жезл держит в вытянутой руке высящийся на носу судна «предводитель вата-

¹ Ср.: *Junker H. Giza III*. Wien—Leipzig, 1938 (DAWW), с. 180.

ги» (*Нй-свт-нфр*, G III:167=Х), а у «предводителя ватаги», почтительно стоящего посреди судна перед хозяином, жезл заткнут за пояс (*Чий*, GT:LXXVII=TT:LXVII). Тем же жезлом вооружены бывают распоряжавшиеся на судах лица и тогда, когда к их изображениям не приписаны их звания (*Нй-свт-нфр*, G III:167=Х; '*хт-хѣтп*', ENE:II; ср. *Пхѣ.н-в(й)-к'*, DAeAe II:XLV).

Другой знак отличия начальников — жгут держит каждый из «распорядителей ватаг», кланяясь вельможе с пришедших грузовых судов (*Чий*, TT:XLVII, XLVIII). Жгут в руке держат и двое «предводителей» «дома собственного», стоя на носу гребного парусника (*Чий*, GT:LXXX=TT:XLVII). Со жгутом в руке и веслом в другой бежит подле парусного судна «предводитель ватаги дома собственного» (*Чий*, GT:LXXX=TT:XLVII). Тот же жгут держат в руке корабельные начальники и на изображениях, не надписанных их званиями. Так, на ладье с вельможеским изваянием, которую волокут волоком, распоряжается на носу мужчина в ленточном переднике и со жгутом в руке (G XI:между 224 и 225). На носу судна стоит мужчина в таком же переднике; перед ним написано распоряжение: «Твори (т. е. держи на) право в головную сторону (т. е. прямо вперед) (от) тебя!» ('*хт-хѣтп*', ENE:II); там же изображены жгуты ('*хт-хѣтп*', ENE:II). Жгуты же держали мужчины в ленточных передниках, бездеятельно стоящие подле кормчих на парусно-гребных кораблях (*Пхѣ.н-в(й)-к'*, DAeAe II:XLV a, b). Для чего служил этот жгут? На носу причаливающего похоронного судна «распорядитель ватаг» отдает приказ людям, подтаскивающим ладью за бечевку к берегу: «Вправо!» — и одновременно приподнимает руку со свисающей вниз концами лентою (*Пий-снх Хъний*, RTM V:XLIII). То же делает человек на носу другого похоронного судна, еще не причаливающего (*Пий-снх Хъний*, RTM V:XLIII). Очевидно, эти ленты служили для подачи знаков людям. Хотя жгуты по виду отличны от подобных лент, вполне возможно, что и они служили той же цели². Карлик, стоящий на корме большой лодки с гребцами и рыбаками, размахивает в воздухе жгутом или по меньшей мере лентою, сложеною петлею и зажатою в кулаке выше концов, как то обычно бывает со жгутом. Однако при желании действие карлика можно растолковать и иначе. Левую рукою он держится за голову кормчего, и все выглядит так, как если бы он замахнулся на того жгутом. Я думаю, что такое толкование будет неправильным; карлик скорее всего сам держится за кормчего, чтобы не упасть с кормы, на которой он стоит и машет, не имея иной опоры (*Ийтй*, D:V). Тем не менее употребление жгута для наказания или для понукания

² Boreux Ch. Études de nautique égyptienne. L'art de la navigation en Egypte jusqu'à la fin de l'Ancien empire. Le Caire, 1925 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. T. 50), c. 472—473.

людей вполне вероятно³. Правда, помимо сомнительного случая с карликом, я не знаю изображений, на которых людей били бы жгутом. Но зато есть изображения, где точь-в-точь такими же жгутами пользуются погонщики животных. Один над другим изображены пятеро мужчин, идущих каждый за одним или несколькими быками. Погонщики второго, третьего и четвертого поясов кладут левую руку на круп животного, а в опущенной правой держат за концы свисающий вниз петлею жгут. Мужчины пятого и шестого поясов тоже кладут левую руку на круп быка, но в правой руке у них по палке, которую второй как бы упирает в животное, а первый держит над ним (*'xt-x̥tp*, MPAS II:XXI). На другом изображении от погонщика уцелели только часть ступни и жгут в виде петли, касающейся крупа молодого животного (вероятно, белой антилопы). Тут же погонщик гусей или уток, идущий за ними следом, представлен с опущенной палкою в руке (*C'x̥-v(ā)-p^c*, GKS II:LVI). Таким образом, жгут служил погонщикам средством и находил применение не только на кораблях. Мы видим его и в руках надсмотрщиков за разного рода работниками. Его держат надсмотрщики за рыбаками — то стоя и в опущенной руке (*'xt-x̥tp*, MOP:389; *Cxm-k'-p^c*, DAeAe II:XLII), то сидя и в руке, приподнятой перед собою (*Ир.н-вр*, RTShS:XII). Его перекинул через плечо начальник птицеловов (*Ир.н-вр*, RTShS:XII). Жгут в опущенной руке держит «властель», надзирающий за жнецами (*Сшм-нфф* IV, G XI:187). Петля свисающего вниз жгута уцелела позади ног надсмотрщика на изображении откорма ручных газелей (*Пtx̥-x̥tp*, DAeAe II:CII b). Рыбакам, птицеловам, даже жнецам еще могли подавать знаки с помощью жгута, но трудно это себе представить при откорме лежачих животных. Да и руководитель рыбаков, тянувших невод с рыбами, распоряжается, выкинув далеко вперед правую руку, а не с помощью жгута, который бездеятельно свисает вниз с опущенной левой (*Cxm-k'-p^c*, DAeAe II:XLII). Также и начальник птицеловов обращается к ним с протянутой рукой, в то время как жгут спокойно висит у него поперек плеча (*Ир.н-вр*, RTShS:XII). И вообще подача знаков при подобной ловле птиц большою затягивавшейся сетью производилась не взмахами жгута, а путем растягивания обеими руками во всю их длину направо и налево длиннейшей ленты (*Пtx̥-x̥tp*, TR:XXXII; *Пий-снх Хъний*, RTM V:XXX).

Итак, вряд ли возможно сомневаться в том, что жгутом пользовались для понукания и наказания.

Подведем теперь кратко итог всему сказанному о корабельных людях вельмож. Рядовой личный состав вельможеских судов был объединен в «ватаги» (*йэт*, во мн. ч. *йзвт*). У «ватаг» имелось по меньшей мере трехступенчатое начальство. Над отдельною «ватагою» начальствовали в первую очередь «руководитель дружины» (*xрт йэт*; *йэт* обычно в ед. ч.), реже — «на-

³ Junker H. Giza XI. Wien, 1953 (DÖAW. Bd. 74, Abh. 2), с. 144, 190.

ставник дружины» (*схъдж ыйт*; *ыйт* в ед. ч.). Некоторое число «ватаг» объединялось под начальством «распорядителя ватаг» (*ймър' ыйзвт*; *ыйт* во мн. ч.). У вельможи могло быть более или менее значительное количество «ватаг» и по нескольку «распорядителей ватаг», не говоря уже о более многочисленном низшем начальстве. Излюбленным нарядом вельможеских корабельщиков, как рядовых, так и начальников, был ленточный передник — пояс с несколькими свисающими лентами впереди. Отличительными признаками корабельного начальства были хвостообразные жезлы и согнутые петлею жгуты в руках. Первыми и, возможно, вторыми подавались знаки подчиненным; вторые наверно, первые возможно служили также для понукания и наказания.

Пока мы остаемся с «ватагами» на кораблях, мы не наблюдаем ничего особенного: корабельщики как корабельщики. Но стоит нам сойти с ними на берег, как они начинают развивать кипучую деятельность, мало, а то и вовсе ничего общего не имеющую с их корабельным ремеслом. Рассмотрим эту их деятельность в порядке убывающей близости к корабельному ремеслу.

§ 19. За переноской тяжестей

В гробнице Чий изображена большая лодка, везущая три изваяния вельможи. На ее корме двое кормчих, гребущие кормилами, на носу корабельный начальник со жгутом в правой и простертую вперед левою рукою. Он отдает распоряжение влекущим ладью, вероятно, к причалу пешим людям. К сожалению, от них уцелели лишь часть руки и часть ноги одного мужчины, тянувшего бечеву, закрепленную на ладье. Начальник на носу одет в ленточный передник, но, как были одеты влекущие ладью люди, по тому, что осталось от них, умозаключить невозможно (G XI:224—225). Однако на других изображениях в той же гробнице люди, влекущие вельможеские изваяния, составляют «ватагу» своего руководителя и одеты, как и он, в ленточные передники. В одном случае изваяние сановника, поставленное уже на санки, влекут за бечеву шестеро мужчин, одетых в ленточные передники. Надпись гласит: «Доставка изображения» такого-то сановника «в гробницу [кладби]щенскую». Под сани, увлажняя дорогу, льет воду из сосуда мужчина, одетый в тот же ленточный передник. Приписка гласит: «Литье воды предводителем ватаги дома собственного» (TT:LIV, низ = GT LXIV). Другой раз сидячее изваяние влекут на санях семеро мужчин, также одетых и надписанных: «Доставка изображения» такого-то. Водолей одет и надписан как в первом случае (TT:LIV, низ = GT:LXII). На третьем изображении семеро же мужчин в ленточных передниках влекут сани со стоячим изваянием. Одежда и надпись водолея те же (TT:LIV,

верх=GT:LXVII). На четвертом изображении все те же семеро человек в той же одежде тащат сани с изваянием вельможи, поставленным на этот раз внутри божницы. Водолей одет по-прежнему в ленточный передник, но надписан иначе: «Литье воды предводителем ватаг» (TT:LII). Это единственный случай, насколько знаю, что «предводитель» вельможеских людей предводительствует не «ватагой», а «ватагами». Однако навряд ли это объяснимо отягчением саней еще божницею, так как на пятом изображении, где сани с изваянием тянут те же семеро мужчин в ленточных передниках, она налицо, хотя и более легкая по виду, и тем не менее водолей в ленточном переднике не обозначен как «предводитель дружин». Правда, его должность вообще не указана, как и общее надписание: «Препровождение изваяний» такого-то, она поясняет только само действие: «Литье воды» (TT:LIII=GT:LXIX). На шестом изображении над водолеем уцелело только: «Литье воды», общее надписание начиналось, как и на пятом изображении, словами: «Препровождение изваяний» [такого-то], зато влекло сани не семь, а восемь мужчин. И это несмотря на отсутствие божницы, что опять не позволяет придавать ей особое «отягчающее» значение. Судя по первым четырем из восьми людей (остальные четверо полуразрушены), они все были одеты, как и водолей, в ленточные передники (TT:LV=GT:LXIII).

Все эти шесть изображений совершенно тождественны и по своему предмету, и по облику действующих лиц, и хотя на пятом и шестом изображениях из надписей не видно, кто препровождает изваяние, но остальные четыре изображения не оставляют сомнения в том, что это делают и тут «предводитель ватаги» и его люди, таковую «ватагу» составляющие.

Несмотря на количество изображений такого рода у Чий, важнее еще два изображения у Шпсс-р^с. На одном из них в нижнем поясе сани с изваянием сановника влекут двенадцать мужчин, в верхнем — тринадцать. И внизу и вверху еще по мужчине, льющему из сосуда воду под сани (старинные издатели не поняли действия водолеев и плохо передали сосуды и струи). Все одеты в ленточные передники, но у двух мужчин внизу и у одного вверху из числа тянувших издатели воспроизвели одно опоясание без лент, да от переднего видны внизу только рука, а вверху лишь задняя половина туловища, рука и нога. Верхний пояс надписан: «Препровождение изваяния ватагою дома собственного в гробницу кладбищенскую — — —». Там же надпись над водолеем: «Литье воды. Предводитель дружины» (DAeAe II:LXIVbis b). На другом изображении у Шпсс-р^с сани с изваянием вельможи тянут в нижнем поясе одиннадцать мужчин (двенадцатый отбит), в верхнем — двенадцать. Все они одеты в ленточные передники. В таком же переднике внизу и мужчина, льющий воду под сани; вверху издатели воспроизвели у него лент. Нижний пояс надписан:

«Препровождение изваяния в гробницу ва[тагами] — — —», верхний пояс: «Препровождение изваяния... ватагами дома собственного». Над водолеем вверху и внизу стоит одинаково: «Литье воды. Предводитель ватаги». Но примечателен передний из числа тянувших мужчин в нижнем поясе. Он надписан: «Наставник ватаги» — должность, встречающаяся нам уже на судах рядом с «предводителем ватаги»; вокруг шеи у него тяжелый круг смотанной бечевы — начало бечевы, за которую тянут сани (DAeAe II:LXIVbis a). Такие круги смотанной веревки мы часто видим на шее у корабельщиков, бегущих подле судна (например, гробницы *Пхън-в(й)-к'*, DAeAe II:XLV a, b; *K'-м-рмч*, СЕ:ХС; сп. GKN:70; 'хт-хътп, ENE:III). Особенно примечательно изображение у 'хт-хътп: около судна бегут трое мужчин в ленточных передниках. Последний придерживает обеими руками свой веревочный круг на шее, но круги у переднего и среднего — свернутые кольцом начало и конец одной и той же длинной бечевы, болтающийся спереди кончик передний держит в левой руке, а правой придерживает на шее свой круг. Ею же придерживает круг на своей шее средний мужчина; левой он держится за бечеву, тянувшуюся от круга к кругу между обоими мужчинами ('хт-хътп, ENE:III). В гробнице *Шпсс-рс* круг на шее у «наставника дружины» отвечает кругу переднего мужчины у 'хт-хътп, второй же круг развернут — это и есть та бечева, которая отходит от круга на шее «наставника» и за которую тянут люди санки с изваянием *Шпсс-рс*. «Наставник» левой рукой держит начало размотанной бечевы, а правой придерживает у себя на шее неразмотанный круг, свободный кончик которого перекинут у него через эту руку. Сходство полное. Можно догадаться, что круги веревки, с которыми бегут люди около кораблей, — та самая бечева, за которую влекут суда с берега и к берегу. Мы уже видели, как люди в ленточных передниках или иных нарядах тащат за нее разные погребальные суда (*Хътп-хър-хт*, DAR:IX, XX; Чай, G XI:подле 224; *Пай-снх Хъний*, RTM V:XLII, XLIII). Как бы для того, чтобы окончательно уверить в том, что влекущие сани люди и их начальники не кто иной, как корабельщики, в гробнице *Шпсс-рс* бок о бок с ними показаны каждый раз корабли. Налево от первого двойного изображения «препровождения изваяния» — три гребных судна одно над другим (нижние два сильно разрушены). Направо от второго двойного изображения «препровождения изваяния» — два парусника, тоже друг над другом, и на нижнем помимо двух работающих кормил десять весел, никем не занятых. И тут и там корабли находятся позади шествий с изваяниями. В первом случае суда плывут слева направо, и направо прочь от них следуют шествия с изваяниями; во втором случае суда плывут справа налево, и налево, опять прочь от них, следуют шествия с изваяниями. Все выглядит так, как если бы «ватаги» пришли с изваяниями на кораблях и, сойдя на землю, по-

ташили изваяния на санях в гробницу. Вспомним о пустующих весях на одном из кораблей.

В гробнице *Дбхъ.н.(й)* в нижнем поясе люди в ленточных передниках влекут изваяние сановника на санях, под которые мужчина льет воду из сосуда (часть бечевы, струя, одежда водолея не видны из-за повреждений). В верхнем поясе пятеро мужчин ташат на санях изваяние, от которого видна лишь часть ступни. Одежда на людях, где она сохранилась, по-видимому, те же ленточные передники. Общее надписание этого пояса двойное, повыше: «[Препровождение (или: доставка)] изваяний (или: изваяния?), сотворен(ных?) ему в чистой (мастерской), в гробницу — — —», пониже: «Препро[вождение] изваяния (или: изваяний) ватагами дома [собственного?» (нечто, напоминающее знак *х* позади пробела за словом «дом», если вообще знак письма,— то или начало следующего слова, или свешивающийся хвост змеи *дж* от обозначения «собинный»; EG IV:176). В гробнице царицы *Б(в)-нфр* от изображения уцелело немного. Видно лишь женское изваяние, стоявшее внутри божницы на санях, ныне пропавших, как и влекшие их люди (уцелел лишь кусок бечевы, за которую ташили сани?). Надпись сохранилась лучше: «Препровождение женского изваяния в гробницу ватаг[ам]и дома [собственного?]» (остаток мотыки *мр*, показанный после «дом» в издании и прорезанный проломом в камне, или неточное воспроизведение выражения «собинный», «собственный», или часть надписания изваяния в божнице; в последнем случае надпись должна была бы продолжаться под словом «дом»; EG III:188).

Очень жаль, что имеется только описание, без воспроизведения для изображения в гробнице *Tn-m-снх*: «На восточной стене есть еще остатки ряда изображений, которые передают, как ташат статуи к гробнице. Позади первой группы слева — видны ото всех фигур лишь ноги наполовину — стоит (знак) *т*, у второй группы, в которой ташат сидячее [(знак) судно] изваяние умершего в божничке на санных полозьях, стоит у одного мужчины совсем в конце группы: *йвхъв Ип(й?)*» (GKN:122). Последняя надпись навряд ли относилась к какому-либо из тянувших санки мужчин, так как словом *йвхъв* обозначались люди, как будто бы малопригодные для тяжелой работы. *Йвхъв Плй* надписан крошечный человечек, ведущий громадных по сравнению с ним обезьяну и пса (*Чий*, ТТ:XVI= =XVIII=GT:XV); «распорядителем *йвхъв*» был «предводитель карлик(ов) полотна (т. е. карликов, ведавших царскими полотняными одеяниями)», бывший сам карликом, *Снб* (G V:41—42). Поэтому *йвхъв* у *Tn-m-снх*, возможно, не тащит, а лишь сопровождает изваяние хозяина. К несчастью, от первой приписки уцелело только окончание женского рода какого-то слова, имевшего ввиду определителя судна прямое отношение к судоходству. Сохранись приписка лучше, она, может статься, подтвердила бы, что влекущие изваяние люди были с корабля.

Но думается, что и без такого подтверждения совершенно ясно, что корабельные ватаги не только везли водою, но и влекли сущую вельможеские изваяния. Иными словами, этими ватагами пользовались как тяговой силой. Но если они тащили на санях в божницах или без божниц изваяния хозяина, то не ватаги ли носили его в носилках при жизни? На деле оно так и было.

Вот следует в огромных носилках сановник. «Спереди» и «сзади» — на самом деле, должно быть, слева и справа — бежит по одному мужчине в ленточном переднике; у каждого в руках по длинному древку с прямоугольной сенью (своего рода зонтик) наверху; они берегают хозяина от палящих лучей солнца. Несут носилки четырнадцать человек в ленточных передниках. Перед носилками идет еще один мужчина, но уже не в ленточном переднике, а в опоясании вокруг бедер. В левой руке у мужчины хорошо нам известный хвостообразный жезл (ясно видно, что верх его расщеплен наподобие кисти), тот самый жезл, который держат начальники на судах, а правая рука приподнята: мужчина отдает распоряжение, и оно звучит совсем по-корабельному: «Направо! Дорога добрая это». «Направо» передано словом *ймъ-врт*, употребляемым так как раз на судах, применительно к их направлению. И действительно, мужчина не кто иной, как «распорядитель ватаг Хънн-тай» (*Пай-сих Хъний*, RTM V:XXXI). «Распорядителями ватаг» называли, как мы знаем, старших начальников над корабельщиками, и здесь такой начальник распоряжается ими, когда они несут своего господина. Другой раз носилки с вельможею несут десять мужчин (спереди уцелело лишь четверо, но сзади их пятеро), а начальник их шествует тут же перед носилками, на этот раз с тростью в левой руке и жгутом, столь обычным для корабельных начальников, в правой руке. И носильщики и начальник одеты одинаково — в ленточные передники (*Чий*, G XI:251). В ленточных передниках и несущие как носилки, так и «сени» в гробнице князя *Джъев* (RTDG II:VIII=GAR:X). Иногда ватажный начальник сам как будто участвует в несении носилок. Во главе двенадцати носильщиков, одетых в ленточные передники, идет мужчина в одежде, облегающей бедра и еще далеко выступающей вперед, как то было принято у начальственных лиц⁴. В правой руке у него, возможно, жгут, а левою он, по-видимому, поддерживает носилки. Шествие замыкает мужчина с высоким древком в руках («сень» наверху его ныне разрушена), одетый, как носильщики, в ленточный передник. Заметим, что в этот раз у каждого из двенадцати носильщиков по короткой палке в правой руке (*Ин(.)-снфрв-ишт.ф*, FD:XX). Короткую палку держат носильщики в правой руке и тогда, когда они не одеты в ленточные передники. Так, палки несут двадцать мужчин в одежде,

⁴ Junker H. Gîza III, с. 90 и сл.

облегающей бедра, и в поясах, повернутых завязками назад (у двоих за недостатком места завязки не вышли); примерно так же одеты оба носителя «сеней». Что эти люди, несмотря на другую одежду, все же корабельщики, видно по их начальнику. Он бежит рядом с носилками, между передним и задним десятком подчиненных, в левой руке у него более длинная палка, а правою он держит перекинутый через плечо жгут. Одет этот начальник, по-видимому, так же, как и на предыдущем изображении, только как завязки у носильщиков, так и у него выступающий передник перекинуты назад,—очевидно, чтобы не мешали при движении (*K'-гм.н.(й)*, MG I:X=GAR:IX). Таким образом, возможно, что носильщики вельможеских носилок являются корабельщиками и тогда, когда не одеты в свою рабочую, судовую одежду — ленточные передники (например, *Йтти Шдв*, D:XXIV).

§ 20. За подсобной работой

Но если корабельные ватаги использовались для передвижения тяжестей на суше, их могли также использовать там для других работ, требовавших совместных усилий значительного числа людей. И действительно, «ватаги» оказываются тут как тут, если надо осилить особенно большое жертвенное животное. Вот дюжина мужчин суетится вокруг непокорного быка, такого огромного, что они кажутся перед ним карликами. Кто держит за рога, кто за хвост, кто за ноги. Повреждения и известная неточность старинного издателя не позволяют судить о наряде всех действующих лиц. Один, тянувший, по-видимому, конец веревки, опутывавшей ныне пропавшие передние ноги, был показан в одежде, прикрывающей целиком бедра, но на человеке, залезшем быку на спину и прогибающем назад его рога,—ленточный передник. Над всем изображением надпись: «Хватанье большого длиннорогого быка (*нг'в*) строптивого (?—*ин*) весьма ватагами его», т. е. царевича (*Нб-м-'хт(й)*, DAeAe II:XIV). Конечно, осиливать и валить жертвенное животное могли и другие люди. Один раз изображен княжеский смотр скоту, и люди в трех нижних поясах, где представлены быки и коровы, судя по тому, что уцелело от надписей, «пастухи» (в верхнем поясе ведет учет писец). «Пастухами» будут, наверно, и те семеро мужчин, что, ухватившись за ноги, рога и хвост, стараются повалить исполинских размеров молодого большого длиннорогого быка (*нг'в*), хотя один из мужчин и надписан был впоследствии именем княжеского сына. Из всех семерых ни один не в ленточном переднике (*Йтти Шдв*, D:XVIII). Напротив, в другой княжеской гробнице в той же местности люди, валящие быка, наверное, корабельщики. Изображение надписано: «Ловля—вязание (арканом) большого длиннорогого быка (*нг'в*)». Один мужчина стягивает веревкою

задние ноги, другой пытается проделать нечто подобное с передними, двое других пригибают за рога его голову. Все четверо одеты в ленточные передники. Действие происходит совсем не в пастушеском окружении: валят жертвенное животное и рядом его уже рассекают; поясом выше играют и поют, а еще выше пляшут; на все взирают князь с княгинею. Изображен, значит, жертвенный пир. Что люди в ленточных передниках, валящие быка по соседству с рассекающими его резниками, в самом деле корабельщики, доказывают родственные, но более полные и лучше надписанные изображения. Валят телицу безрогую, обычной величины, и, чтобы с нею справиться, довольно трех мужчин: один держит ее за переднюю ногу, другой — за хвост, третий вяжет ноги. В какой одежде первый и третий — из издания усмотреть нельзя, но второй, видимо, был в ленточном переднике. Надпись читается: «Доставка молодой упитанной коровы для вещи (т. е. жертвы) месячной». Далее в том же поясе трижды показано рассечение жертвенных животных: быка, белой антилопы и опять быка. Подле первого быка один резник точит нож («точка ножа резником»), другой, с ножом в левой, запускает правую руку внутрь туши за сердцем. Мужчина рядом одною рукою поддерживает на плече отсеченную бычью ногу, другую руку протягивают за сердцем со словами: «Дай сердце». Подле антилопы один резник точит нож (та же надпись), другой ножом отрезает ей переднюю ногу, которую держит стоймя помощник. Другой помощник уносит отрезанную ногу и кусок мяса. Около последнего быка снова резник, точащий нож (та же надпись), но на этот раз туши разрезают ножами два резника, из которых один говорит помощнику, оттягивающему назад к себе задние ноги: «Бери к себе!» Все семь резников, как один, в одеждах, обернутых вокруг бедер, все же четверо упомянутых прислужников столь же неизменно одеты в ленточные передники (в ленточном переднике как будто и коленопреклоненный человечек — мальчик с сосудом для крови? — возле первого быка). Получается, что по-обычному одеты ведущие действующие лица, знатоки дела — резники, по-корабельному же — в ленточных передниках — подсобная рабочая сила, люди, вяжущие и валящие скотину, держащие отрезаемые части и уносящие прочь добытое мясо. Что все же помощники в ленточных передниках — корабельщики, удостоверяют приписки к шествию с мясом, разворачивающемуся дальше в том же поясе изображений. В этом шествии — «доставка избранного мяса» — участвуют вместе с мужчиной в обычной одежде (какой-нибудь начальник заупокойных жрецов?) люди, одетые в ленточные передники (из пяти участников шествия двое пропали полностью). У одного из людей ничего не написано, зато к другому было приписано «[предводители] ватаги». В целом виде эта приписка — «предводитель ватаги» — сохранилась перед тем доставщиком, от которого, к сожалению, остались лишь рука с большим куском

мяса да кончик копыта от ноги животного, которую он нес на плече (*Вср-нчр, SM:XXI*). Подобное скопление в помощь резникам подсобных работников в ленточных передниках и «предводителей ватаги» в таком же одеянии нельзя понять в ином смысле, как только в том, что резникам помогали в виде подсобной рабочей силы члены корабельных ватаг под начальством своих «предводителей». Вспомним, что при перевозке вельможеских изваяний «ватаги» имели с собою тех же «предводителей ватаги». В той самой гробнице, где находится только что разобранное нами изображение, на противоположной ему стене, помещается другое, во многом ему подобное, но лучше сохранившееся. Как и то, оно занимает весь нижний пояс стены. На одном конце его мужчина ведет на заклание белую антилопу («доставка молодой белой антилопы»). Рядом трое резников режут бычью тушу, в то время как один помощник оттягивает заднюю ногу быка, а другой стоит уже с отрезанной его передней ногою на плече (средний резник надписан: «резник»). Далее у туши («белой антилопы») один резник точит нож («точка ножа резником»), а другой достает из нее сердце («изъятие сердца»). Помощник одною рукою держит на плече отрезанную заднюю ногу животного, а другую руку протягивает за сердцем. Следующая туша бычья. Один резник опять точит свой нож (с тою же припискою), другой отрезает у быка ногу, которую держит помощник, и говорит ему: «Забирай-к тебе!» Последняя туша бычья же. Точащий нож резник надписан коротко: «Точка ножа», а над тем, кто достает из быка сердце, стоит снова: «Изъятие сердца». Помощник стоит рядом с бычьей ногою на плече и протягивает правую руку за сердцем со словами: «Дай сердце!» Возле туши коленопреклоненный человечек с сосудом для крови. На этот раз ясно видно, что он в обычной одежде, а не в ленточном переднике. Возможно, это столовый служитель, так как в гробнице *Хн(т)-к' Иххий* на изображении рассечения жертвенных животных мужчина с чаном для крови, здесь, правда, стоящий, надписан словом «чашник» (*вдпв*) (*MKhCI:XXII*). Все завершается шествием («доставка выбранного мяса») в составе четырех мужчин, направляющихся в сторону пирующего вельможи. Передний мужчина — «наставник слуг двойника», т. е. второстепенный начальник заупокойных жрецов. Мужчина за ним не надписан, так же как и следующий, с бычьей ногою на плече. Зато о мужчине, замыкающем шествие, с кусками мяса в обеих руках, мы читаем: «Предводитель ватаги». Таковым был, наверно, и предшествующий ему доставщик, так как они оба не только имеют, одни на всем изображении, жреческие перевязи через плечо, но и одеты в ленточные передники. В эти передники одеты и все поголовно помощники, тогда как все без исключения резники в одежде, облегающей бедра (*Вср-нчр, SM:XXIII*). Положение дел то же, что и на изображении на противоположной стене, и люди в ленточных перед-

никах, несомненно, из корабельных ватаг; вместе со своими «предводителями» они помогают резникам. Такая помощь была настолько обычной, что изображать при рассечении жертв помощников в ленточных передниках стало если не правилом, то все-таки принятым обыкновением в вельможеских гробницах (например, Чий, GT:LXXI; Пр-сн, DAeAe II:LXXXIII; Бр-йр-н-пхъ, НTESBM^{п.е.}:XXXVIII; Птхъ-хътп, ТР:XXX; Птхъ-хътп, DAeAe II:LXXI b). Обыкновенно эти помощники держат ногу животного, когда ее отрезает резник; резники же, режущие и потрошащие жертву или точащие нож, бывают одеты в отличие от помощников в обыкновенную одежду. Возможно, что в начале Старого царства рассечение жертвы еще доверялось малоопытным людям, так как в очень старых гробницах и режущий и помогающий бывают одеты одинаково в ленточные передники (*Pc-хътп*, M:XI). Впрочем, тогда уже делали и различие: в рассечении быка («большого длиннорогого быка» — *нг'в*) участвовали люди в разной одежде — то в платах, обернутых вокруг бедер, то почти оголенные. Однако при этом один из помощников, держащий переднюю ногу быка, одет, как резник, т. е. по-обычному, хотя другие два помощника — держащий заднюю ногу и уносящий отрезанное мясо — одеты более скучно. Можно, правда, предположить, что держащий переднюю ногу — настоящий резник, так как ему поручено более ответственное дело: отрезается как раз передняя нога, но только художник вряд ли изощрялся в таких тонкостях, во всяком случае, надписания называют действующих лиц безразлично «резниками» (Мчин, DAeAe II:IV; ср. AIKMB:87, 116). Конечно, нельзя думать, что помощниками у резников всегда и везде были корабельщики. Так не думали и сами египтяне. Они не только сплошь и рядом наряжали на изображениях в одни и те же обыкновенные одежды как резников, так и помощников, но также надписывали последних именами лиц, явно служивших не на кораблях. Так, в гробнице *Хнт(й)-к'* *Иххй* не только резники, но и помощники были впоследствии надписаны званиями и именами разных «предводителей шатра», т. е. заведующих столовою у вельможи (MKhCI:IX). Один раз в ленточный передник наряжен не только помощник, держащий обеими руками ногу быка, но и отрезающий ее резник. Однако, возможно, это недосмотр художника, воспроизведившего изображение для издания, так как наряд резника явно не понят. За спину резника из туши быка растет какой-то странный крючок. На самом деле это точильный прибор, который на привязи прикреплялся к одежде и засовывался за пояс. Прибор был длинным, а на воспроизведения видна от него одна ручка, что было б возможно в том случае, если б прибор был засунут за широкий плат, окутывавший бедра, а не за узкий пояс ленточного передника. Из воспроизведения не усмотрешь тоже, к чему же прикреплен другой конец прицепки. Возможно, впрочем, что сбился, а потом толком не исправил себя

древний художник. Такое с ними изредка случалось. Неладно обстоит в издании и с приписками. Второй резник в обычной одежде, точащий нож, назван «слугой двойника», т. е. заупокойным жрецом, и «резником», а его странный товарищ надписан над головою лишь «слуга двойника»; слово «резник» же отделено от него настолько, что может быть отнесено не то к коленопреклоненному служителю, собирающему в чан кровь от отрезанной у быка ноги, не то к помощнику, держащему эту ногу. Заметим, что не совсем хорошо с передачей одежды и на «слуге двойника», и на «резнике», что точит нож по соседству возле туши другого быка. Ясно, что этот резник одет в обычную одежду, но, кроме пояса ее, от нее ничего не видно, и к чему прикреплена прицепка точильного прибора — остается неведомым. Помощник, держащий здесь бычью ногу, показан правильно в ленточном переднике, но, как был одет резник, отрезающий ее, за повреждением неизвестно (EG III:173). Если на ином изображении резники и их помощники одеты безразлично в обычного покроя одежды, будет, естественно, лишь в порядке вещей, если такие помощники сами окажутся теми же резниками. И действительно, резник говорит помощнику в обычной одежде, придерживающему отрезанную тем ногу быка: «Забирай к тебе хорошенько, резник этот!» А другой помощник, делающий то же у туши другого быка, не только одет по-обычному, как отрезающий ногу или точащий нож, но и сам, несомненно, такой же резник: за пояс у него засунут точильный прибор, прикрепленный к одежде точно так же, как у обоих его товарищей (*Птхъ-хътп*, SM:XI).

Некоторый свет на взаимоотношения резников и их помощников, когда эти последние одеты в отличие от тех в ленточные передники, т. е. являются по виду своему корабельщиками, проливает одно изображение в гробнице *Хътп-н(й)-птхъ* (DAeAe II:LXXI b). Оно в значительной мере повторяет уже известные нам из других гробниц, и его своеобразие заключается в приписках. Троє мужчин вяжут и валят быка. Скрутивший ему задние ноги и ухватившийся за одну из передних одеты в ленточные передники. Должно быть, такой же передник был и на держащем быка за рога, но старинное издание воспроизвело один пояс. Первый мужчина говорит: «Твори ты весьма против быка этого: он... весьма». Далее у туши быка один резник точит нож («точка ножа»), а другой отрезает у нее ногу и говорит помощнику, который ее держит: «Забирай к тебе весьма!», на что тот отвечает: «Творю я сообразно с (тем), [что] жал[уешь] [ты]». У второй бычье туши снова резник, точащий нож с тою же припиской, и другой резник тем же способом отрезает ногу, которую держит помощник. Как и в первом случае, оба резника в обычной одежде, помощник же в ленточном переднике. Но любопытны слова, которыми обмениваются режущий ногу со своим помощником. Резник говорит: «Держи это, ученик (*сб'т(й)!*)»; помощник отвечает: «Тво-

рю я». Отделить это изображение от разобранных выше, на которых вспомогательную силу составляют достоверно корабельные ватаги, никак нельзя. Здесь тоже вяжут и валят быка и помогают в его рассечении люди, одетые в отличие от резника не в обычную одежду, а в ленточные передники. Тем самым выходит, что взаимоотношение между резниками и людьми из корабельных ватаг, приходившими им на помощь, воспринималось как отношение опытных мастеров к неопытным ученикам.

§ 21. За доставкой скота и степных копытных

Пользоваться услугами корабельных ватаг при заклании и рассечении жертвенных животных было тем проще и естественнее, что как раз эти ватаги сплошь и рядом и доставляли потребный скот. Вот пришли суда из владений вельможи. Зерно и сосуды с напитками еще не выгружены, но скот — быки и козлы — уже спущен на берег. Кто привез эту живность, видно из того, что на носу каждого судна стоит, кланяясь хозяину, «распорядитель ватаг», одетый в свой рабочий наряд — ленточный передник (*Чий*, ТТ:XIX=XXIV+XXVI; DARMK:XLVII). Вот из Верховья пришли другие суда. Часть скота уже выгружена. Кто их привез — недвусмысленно показывают надписи. На одном из судов еще стоят «предводитель ватаги» и «наставник ватаги», на другом — «наставник ватаги». По берегу уже следует с образчиками зерна «предводитель ватаги», а впереди него — «писец ватаг». К хозяйственной управе движется целое шествие, надписанное: «Доставка распорядителем ватаг вместе с предводителями ватаг судна (или: суд(ов)). Доставка свертков для записи предводителя ватаг» (*Шпсс-р^с*, DAeAe II:LXII—LXIII).

После этого мы не удивимся, если встретим представителей корабельного начальства в числе людей, доставляющих скот вельможе тогда, когда корабли не воспроизведены на изображении. Ведут быков из «хлевов дворов (и) дворов двойника дома собственного». Переднего быка ведет мужчина, одетый в ленточный передник, сзади животное подталкивает «распорядитель ватаг *Кзб*», одетый в такой же передник (GAR:XVII==TR:XXXI). Заднего быка ведет «наставник хлева М...», а подгоняет палкою «властель двора *Хв-хър*» (TR:XXXI+42). Как не вспомнить, что возле скота, выгруженного с кораблей, у *Чий* стоит «властель», приплывший со скотом на одном из судов, а у *Шпсс-р^с* после двух быков, которых кормит подчиненный и которые только что выгружены с пришедших кораблей, стоит «властель двора» (надпись: «Доставка молодого упитанного быка, (лучшего), что в хлеву, властелем двора [е]го (т. е. вельможи)», DAeAe II:LXII). Как у *Птхъ-хътп*, так и у *Чий* и *Шпсс-р^с* одни и те же доставщики: властель, ответ-

ственный за скот, и «распорядитель ватаг», ответственный за перевозку. Показательно и то, что в отличие от ведущих переднего быка, которые в ленточных передниках, «наставник хлева» и «властель двора» одеты иначе: первый — в прикрывающем бедра сзади упрощенном наряде со свисающими спереди концами пояса, второй — в обычной для скотоводов⁵ плетеной одежде из болотных растений с далеко выступающим передом. Звание и имя «наставника хлева» было добавлено впоследствии краскою, но надписания «распорядителя ватаг» и «властеля двора», как доказывают тщательно вырезанные знаки, были задуманы и выполнены самим художником, и облик обоих начальников и их спутников во всем согласуется с надписями. Этого нельзя сказать об изображении в гробнице *Шпсс-к'.ф-нх Ий-мрый*, где один из мужчин, доставляющих быков, одет в плетеный наряд скотовода, но задним числом мелко подписан «наставник ватаги Рс-вр» (G III:72). Изображение — довольно близкое подражание более старому образчику, находящемуся в гробнице *Сим-нфр*, где погоняющий быка человек в плетеном наряде — безымянный. Кто-то захотел увековечить в хозяйствской гробнице «наставника ватаги» Рс-вр и, вероятно зная, что таковые начальники доставляли скот, надписал его званием и именем мужчину начальственной наружности (ведет быка не он, а поводырь), не сообразовавшись с его нарядом.

Но особенно часты среди доставщиков быков никак не подписанные люди в ленточных передниках (*Хътп-сш't*, DAeAe II: XXIV; *K'-н-н(й)-свт*, G II:155; *Инт*, D:XI). Одного такого безымянного доставщика в ленточном переднике мы только что встретили в обществе «распорядителя ватаг», и этот доставщик был, несомненно, подчиненным ему корабельщиком. Ничто потому не мешает считать людьми корабельных ватаг и других доставщиков домашнего скота, когда они одеты в ленточные передники.

Но пожалуй, еще чаще в ленточных передниках предстают доставщики степных копытных. В Старом царстве степных животных усиленно приручали, и потому они могли поступать не только непосредственно из пустынь, но также из сельских хлевов. В последнем случае доставка ничем, по существу, не отличалась бы от доставки обыкновенного скота, и доставщиками в ленточных передниках могли быть те же корабельщики, что доставляли быков. Иногда, по-видимому, так и было. Когда двое мужчин в ленточных передниках ведут один упитанного и меченого быка, а другой, следом за первым, волнорогую антилопу, то незачем вроде бы предполагать, что ее ведут прямо из пустыни (*Инт*, D:XI). В другом случае обилие степных копытных (козерог, две антилопы, детеныш антилопы (?), газель) среди жертвенных животных, доставляемых из селений,

⁵ Там же, с. 90.

говорит как будто о добыче из пустыни. В пользу того же говорит и надписание двух из шести доставщиков именами «привожатых» царевича — обычных участников охот. Что так написан один из трех доставщиков в передниках, не должно нас смущать, как будет показано ниже. Однако считать доставляющую дичину охотничьей добычей мешает один из участников шествия — «властель *Ив.ф-н.й*» в плетеном наряде скотовода, ведущий молодого упитанного быка (*Хътп-сш'т*, DAeAe II: XXIII). Когда доставляют всего одно животное и оно дикое, тогда бывает уже совсем трудно решить, откуда оно. Так, двое мужчин в передниках, надписанные мелко задним числом «слуга двойника *нх-хъб'.ф*» и «предводитель шатра (т. е. столовой) *Н(и)-нх-хъвт-хър*», могли получить свою «молодую белую» антилопу как из степи, так и из хлевов (*K'-н-н(и)-свт*, G II:149).

Но иногда люди в ленточных передниках ведут хозяину копытных животных, определенно только что пойманных в пустыне. Один мужчина, по всей вероятности в таком переднике (в старинном издании наряд мужчины, по-видимому, не понят), ловит в пустыне диких быков арканом, другой же мужчина, уже бесспорно в ленточном переднике, ведет вместе с товарищем в обычной одежде пойманное животное (наверно, белую антилопу; безымянная гробница, DAeAe:XCVI).

§ 22. За ловлей зверей, птиц и рыб

В гробнице *Пхъ.н-в(и)-к'* ее хозяин изображен смотрящим вместе с женою на ловлю и доставку ему степных животных, ловлю птиц и рыб (рыбу тут же потрошат) (DAeAe II:XLVI). Надпись над вельможей, к сожалению лишившейся своей верхней части, начиналась словами: «[Смотрение на] — — —, (совершаемое) ватаг[ам]и дома собственного» (далее титло сановника). Что «ватаги дома собственного» корабельные, видно по соседним изображениям (DAeAe II:XLV). Там на гребном судне стоят «наставник ватаг» и «предводитель», склонившись в сторону плывущего на судне вельможи. Тут же корабль, с которым рядом бегут его ватаги, несущие корабельные принадлежности и всякую всячину (DAeAe II:XLVa, b). Двенадцать человек в ленточных передниках, одиннадцать же художник для разнообразия нарядил в опоясания иного покрова. На ловцах птиц и рыб на вышеназванном изображении вельможи и его жены, смотрящих на деятельность «ватаг дома собственного», тоже ленточные передники.

§ 23. На поле и гумне

Переходим к самым существенным работам, осуществлявшимся судовыми ватагами на земле и имеющим решающее значение для понимания староегипетского общества.

В гробнице *Йй-нфрт* было изображено, как по засеянной пашне гонят баранье стадо, чтобы оно копытцами втоптало посев. Сопутствующая надпись: «Пахота бара[н]ым стадом ватагами дома его (т. е. сановника) собственного» (AeGGASK: V=VI=24). Из кого состоят эти «земледельческие» ватаги в ленточных передниках, наглядно показано на соседнем изображении. Там представлен «спуск в низовую топь» хозяина в большой ладье, которая с помощью шестов «гонится с ним ватагами его» (AeGGASK:IV=V=20). И эти ватаги, разумеется, тоже в ленточных передниках.

В гробнице *Нфр-б'в-пtxъ* над баранами, втаптывающими зерно и подгонямыми бичами, точь-в-точь такая же надпись: «Пахота бараным стадом ватагами дома его собственного» (DAeAe II:LVI).

В гробнице *Йй-мрйй* баранов гонят бичами четверо мужчин: «Пахота бараным стадом ватагами его дома его собственного», а встречает стадо, замахнувшись бичом, «наставник ватаги Р^с-вр», т. е. начальник второго разряда судовых ватаг (DAeAe II:LII). Но посеву предшествует пахота, и четверо мотыжников надписаны: «Копка ватагами его дома его собственного» (там же). Надо думать, что ватагами осуществлялась и жатва, хотя в надписи они не названы: «[Жат]ва пшеницы-двузернянки в городцах (нэ) его» (там же). На «наставнике ватаги Р^с-вр» старинное издание воспроизвело пояс с одной лентой, на изображении жатвы ленты у поясов вообще не воспроизведены (там же). Все вместе озаглавлено: «Смотрение (на) пахоту (в расширенном смысле: включая и другие земледельческие работы) в городцах его дома собственного» (там же).

В гробнице *Нфр* прямо сказано, что жнецы — ватажники: «Жатва ячменя (и) пшеницы-двузернянки ватагою его (т. е. хозяина гробницы) дома собственного» (G VI:между 72—73= =59). В той же гробнице пахота и жатва объединены вместе как работы, выполняемые ватажниками: «Смотрение (на) пахоту (и) жатву ячменя (и) пшеницы-двузернянки ватагою его дома его собственного» (G VI:между 64—65=59).

В гробнице *Ир.н-вр* над жнецами надпись: «Жатва ячменя ватагам (и) дома собственного» (RTShS:XVI).

В гробнице *H(й)-с(в)-хв* под двумя жнецами написано: «Жатва ячменя ватагами дома собственного» (DAeAe II: CVI b=MENND:453), а над тремя: «Жатва пшеницы-двузернянки ватагами дома собственного» (DAeAe II:CVII= =MENND:451).

В гробнице *H(й)-снх-пий* добыча ячменя целиком отнесена за счет ватаг: «Смотрение (на) работу, (связанную с) ячменем верховым (и) низовым, (выполняемую) ватагами дома собственного», причем тут же изображена уборка льна (DAeAeT:66).

В гробнице *P^с-вр* сбор урожая льна производят люди в ленточных передниках, и они же грусят урожай на осла (ослов), а как бы для того чтобы показать, откуда эти люди,

рядом с ними изображёна юбка и на ней большая ладья (EG I:III 3+7). В этой же гробнице люди в ленточных передниках представлены еще раз за увозом урожая с поля (EG I:XXXIV 2=33).

В гробнице 'хт-хътп люди в ленточных передниках грузят урожай на осла, и здесь же человек в таком переднике был представлен складывающим снопы в скирду (ИДЕ:XVIII).

В гробнице 'нх-м-с-хър мужчина в ленточном переднике, правда, не из трех лент, как бывает в большинстве случаев, а из многих, сметая зерно в кучу, говорит веяльщице: «Торопись ты, сестра» (RTS:XXX).

Итак, начиная с пахоты и посева и кончая жатвой, увозом урожая и работой на току, полевые работы выполняли судовые ватаги. Именно потому, что они были судовыми, их никогда не называют «ватагами городцов (нэ)», а называют «ватагами его (т. е. вельможи) дома его собственного», «ватагами его дома собственного», «ватагами дома собственного», хотя работы производились в «городцах его», в «городцах его дома собственного» (см. выше). И если ватаги бывают показаны жнувшими хлеб в присутствии местной власти — «властеля» города (гробница *Ир.н-вр*, RTShS:XVI,ср. обломок гробницы GАe:CXCV), они работают на поле со своим начальством — «наставником ватаги» (DAeAe II:LI; см. выше, совершенно так же, как на кораблях (§ 18) или при таскании тяжестей (§ 19)). Не будучи закреплены ни за каким местом деятельности на суше, судовые ватаги использовались там, где была нужна значительная рабочая сила, прежде всего на полевых работах. Подобное использование судовых ватаг было настолько привычным и закономерным, что определяло прямым образом лицо староегипетского вельможеского хозяйства. При разбросанности вельможеских владений по всему Египту (см. § 14—17), при постоянных перевозках и доставках из одного места в другое, осуществлявшихся по реке, судовых ватаг было много, и они представляли огромную рабочую силу, притом легко перебрасываемую по той же воде на собственных же судах из одной местности в другую.

Совокупность судовых ватаг обозначалась словом *чзт* «соединение». В гробнице верховного сановника *К'-гм.н.(и)* изображена раздача рыбы ватагам через их «распорядителей ватаг» и «предводителей ватаги» (MG I:XX—XXI+20 66, см. § 25). Изображение в целом, куда входила раздача рыбы, было подписано так: «[Смотрение на работы] поля (*схт*) (и) распределение рыбы соединению дома собственного». «Соединений» у вельможи могло быть не одно. В той же гробнице мы читаем: «[Смотрение на] — — — (?), доставляемое из дворов (*хо*) его — — — [дома собственного, который]ые в [Земле низовья (и)] Верховье, наставниками слуг двойника, надзирателями слуг двойника (и) соединени(ями) всеми дома собственного» (тогда-то такому-то, MG II:XX—XXIII; такая же

надпись, частично восполняющая начало этой — MG II:XXXII—XXXIII). Во всех трех случаях слово «соединение» имеет определителем знаки мужчины и женщины. Означает ли это, что и жены числились в соединении, где состояли их мужья? В гробнице двух областных князей *Дж^{св}* надпись над людьми, влекущими (*шмс*) сани с гробовой сенью, называет этих людей «соединени(ями) собственным(и) области под рукою его» (RTDG II:VII). Ввиду изложенного выше вполне вероятно, что «соединение дома собственного» состояло из ватажников.

Было бы опрометчиво утверждать, что судовые ватаги были единственной рабочей силой, применявшейся на полевых работах в вельможеском хозяйстве. Не говоря уже о веяльщиках *дйвт*, частых на изображениях (гробницы Чий, GT:CXXV, GAR:L; Птхъ-хътп, SM:XI; К'-хъй.ф, G VI:149=Х b=XIV b, 149; Птхъ-хътп-н. (й), DAeAe II:LXXI a; Схм-к'-р^с, EG IV:110; ТРС I:169), женщины бывают показаны, хотя и исключительно редко, за полевыми работами иного рода, чем на гумне. В гробнице *Хътп-хър'-хт*(й) *дйвт* работает на пашне мотыкою (МАЕ: 346), и в той же гробнице женщина вяжет сноп (МАЕ:347). Областные князья могли привлекать для работы на них в страдную пору в подмогу собственным ватагам население подведомственной области, подобно тому как в мастерских на областных князей помимо собственных работали еще и государственные ремесленники (см. § 28). В гробнице князя *Ир.н-вр* изображены «жатва ячменя ватагами (читай: *йн* вместо *йт*) дома собственного; жатва ячменя ватагою мал(ых)» и «жатва пшеницы-двузерняки слугами царевыми»; «жатва ватагою мал(ых)» (RTShS:XVI). Сходные изображения были помещены, возможно, еще раньше в гробнице областного князя *Н(й)-св-хв*: «жатва ячменя ватагами дома собственного; жатва ячменя ватагою мал(ых)» (DAeAe II:CVI b=MENND:453) и «жатва пшеницы-двузерняки ватагами дома собственного; жатва пшеницы-двузерняки слугами царевыми; жатва пшеницы-двузерняки ватагою мал(ых)» (DAeAe II:CVII=MENND:451; «жатва пшеницы-двузерняки ватагою мал(ых)» только в MENND:451). «Слуги царевы» как царские работники, государственные земледельцы противостоят у обоих князей их собственным ватагам, названным всегда на первом месте как основная рабочая сила, которой приданы добавочные. Из них «ватага мал(ых)», быть может, не что иное, как одно из воинских соединений области, подвластной князю (см. § 3). Затем, не слишком вероятно, чтобы двое полных мужчин, изображенные в гробнице *Хътп-хър'-хт*(й) за едой и питьем во время уборки хлеба и льна, были из корабельных ватаг (DAR:XXI).

Было бы очень любопытно узнать, кого представляли многочисленные землепашцы, изображенные в гробнице областного князя *Пайй-снх* Среднего,— ватажников или иных работников. Семь коровьих упряжек (от восьмой уцелели лишь передние части коров), и при каждой помимо пахаря в трех случаях по

погонщику с палкой/палками, а в двух еще по вожаку; впереди идет сеятель, а один погонщик идет за двумя коровами, не запряженными в плуг (RTM IV:XIV). Хотя у четверых работников коротенькие бородки (остальные безбородые), как и у двух жнецов и чиновного лица на том же изображении, имена у тринадцати (четырнадцатый без имени) вполне египетские: — — нтф, Сч(й)-снх, Ит-снв.ф, Иний, Нфр-йбд, Хънн-сбк, Хъхъй, Ит-снх-н.ф, Йбдй, Хътпй, Нбй, Идий, Хъкнй. Но примечательно не это, примечательно то, что имена вообще приписаны. Изображена совместная работа множества людей, они могли бы быть ватажниками, но знали ли изготовители изображения, как их звали? Возможно, перед нами уже зарождение отношений в земледелии, свойственных последующему времени: памятник ведь конца Старого царства, поры VI царского дома. Но могло быть и так, что отделявшие гробницу надписали землепашцев именами хорошо им известных ватажников с одного или нескольких кораблей. Что имена гребцов и других корабельщиков могли быть известны лицам, занятым приготовлением всего необходимого умершему, доказывает небольшой памятник в виде ладьи из гробницы *Мнчв-хътп*, — правда, уже Среднего царства (AIKMB:248—249). Шестнадцать гребцов, кормчий и еще один корабельщик надписаны каждый своим именем, вдобавок с придачею родительского (в двух случаях поврежденного). На другой такой ладье из той же гробницы кормчий подписан своим и родительским именем, а другой корабельщик торжественно обозначен «тот, кто в чести, *Мнчв-хътп*, сотворенный (т. е. произведенный на свет) владычицею (т. е. хозяйкой) дома *С'т-хъвт-хър*» (мать хозяина носила другое имя, AIKMB:250). К сожалению, все это не более как недоказуемые соображения.

Одно ясно, что у *Пайп-снх* Среднего изображены не люди, пришедшие на хозяйственную пашню со своею упряжкою; для этого их слишком много у отдельной упряжки. И такое многолюдье — обыкновенно двое мужчин у одной упряжки — частое явление на изображениях пахоты в вельможеских гробницах. Рабочий скот и сохи были не пахарей, а вельможи. И недаром на изображении пахоты в гробнице Чай, как показал В. В. Струве⁶, одна из коров, на которой в данное время не пашут, явно хозяйская. Один мужчина говорит другому: «Дои, торопись, ты, потому что идет он, властель этот!» (GT:CXI == GAR:XLIV). Областной князь *Йбий* говорит, видимо, о том, как приходил на помощь другим «упряжками и чадью (мрт, см. § 33) собственными» (RTDG I:XXIII). Слово «упряжка» с определителями сохи и быка, а определение «собственный» (*н(й)в джт*) согласовано в роде с «упряжками», так что относится и к этому слову, и к слову «чадью». Явно вельможескими были и стада ослов, на которых увозили урожай с поля: вель-

⁶ Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока.—ИГАИМК. 1934, вып. 77, с. 46—47.

може желали иметь эти стада в 100 (гробница *Ир.н-вр*, RTShS:XVI), 2300 (гробница *Нфр-йрг-н.ф*, МАЕ:325), 2500 голов (гробница *Птхъ-хътп* и *'хт-хътп*, MPAS II:VIII). Корабельные ватаги не могли работать на поле иначе, как только с помощью рабочего скота хозяина.

§ 24. Довольствие ватаг

Теперь о том, как обстояло дело с довольствием ватаг. В гробнице верховного сановника (так называемого «везира») *К'-гм.н.(й)* под изображением рыбной ловли в нижнем поясе стены помещено как бы заключение ко всему изображению. В правом углу нижнего пояса представлены сети, развесенные на кольях для просушки, и ныне полуразрушенные сумы для рыбы. Отсюда налево движется шествие из девяти мужчин, груженных множеством рыбы, которую они несут в руках, в кошелях, на веревках, подвешенной к жердям. Надпись вверху гласит: «Доставка рыбы из улова большого весьма для смотра» (налево от поясов с хозяйственными изображениями представлен «смотрящий» на них вельможа). В середине пояса лицами влево сидят в два ряда на земле десять мужчин, каждый из первых четырех назван «распорядителем ватаг» (*ймъ-р' йзвт*), каждый из последующих шести — «предводителем ватаги» (*xрп йзвт*). Отметим, что из первых четырех начальников каждый начальствует над ватагами во множественном числе, из остальных шести каждый — лишь над одной. Перед нами, следовательно, начальство двух степеней: впереди — управляющие зараз несколькими ватагами, позади — более многочисленные, подчиненные первым — руководители отдельных ватаг. Все низшее руководство, а также третий и четвертый представители высшего начальства сидят еще в ожидании, сложивши руки, но два передних «распорядителя ватаг» принимают уже из рук стоящего перед ними мужчины по большой рыбе. За этим мужчиной стоит уже другой и держит на готове в каждой руке по столь же увесистой рыбине. Между головами обоих мужей надпись: «Два распорядителя рыболовов», а выше помещено обращение одного из них к принимающим рыбу ватажным начальникам: «Прими(те) это, поспеши(те с) кормление(м)» (*шзп нн вн снмт*). Таким образом, перед нами приемка начальством ватаг рыбы для раздачи в пищу своим ватажникам. Позади сидящих в ожидании руководителей ватаг двое мужчин, отходящие вправо, нагруженные принятой рыбой. Над ними красноречивая надпись: «Напитаны мы» (*джф'.в(й)н*). В левом углу пояса изображение двойного учета рыбной выдачи. За спиной обоих управителей рыболовов стоит «писец дома собственного (*пр джт*)» и записывает рыбу, которую от тех двоих получают для ватаг их начальники. Еще дальше налево, в самом углу, ведется учет нескольких другого

рода. Здесь «писец ватаг» стоит над большим кошелем (?), переволненным рыбой, около которого возится присевший на одно колено мужчина. Оба обращены лицами друг к другу, и, судя по направлению знаков, слова «число — сотворено сто», т. е. «число составляет 100», представляют речь присевшего счетчика, в то время как «то, что имеет быть дано мне», может быть удовлетворенным ответом писца. Коленопреклоненный мужчина мог бы быть, таким образом, тоже выдающим рыбаком. Надпись вверху для пущей ясности еще добавляет: «Запись рыбы». Наконец, имеется и общее пояснение ко всем поясам в целом, помещенное перед смотрящим на изображенную деятельность вельможей. Начало надписи погибло, но конец сохранился, и то, что относилось в ней непосредственно к занимающему нас нижнему поясу, к счастью, уцелело. Пояснение это гласит: «[Смотрение на работы] поля всякие (и на) распределение рыбы соединениям дома собственного». «Распределение рыбы соединениям дома собственного» — по-египетски *сшт мхът н чз.* (в)т н(й)т пр н(й) джт. Первое слово неизвестно словарю, но для более позднего времени — для Среднего царства — в словаре указано слово *сшт*, употребительное в счетной науке со значением «распределение», в частности в отношении вещественных благ⁷. Такое значение как нельзя лучше подходит к данной надписи, и его, наверное, можно придать и староегипетскому слову *сшт*, не учтенному в словаре. Что касается слова *чз* «соединение» (воинов или рабочих), употребленного в общем пояснении взамен слова *йэт* «ватага», стоящего в приписках к отдельным изображениям нижнего пояса, то оно часто употреблялось наряду с *йэт* для обозначения одних и тех же разрядов людей.

Общее пояснение в сочетании с частными приписками и самими изображениями не допускает ни малейшего сомнения в том, что в хозяйстве староегипетского вельможи под его верховным надзором в строго установленном порядке через посредство ватажного начальника с надлежащим письменным учетом имело место кормление рядовых членов ватаг. На изображении распределения рыбы одни лица — дающие (рыбацки, доставляющие рыбу, и передающие ее управители рыболовов), другие — пользующиеся (ватажное начальство, писцы ватаг, уносящие рыбу ватажники). Может поэтому показаться, что рыболовное начальство представляет особое хозяйственное управление, противостоящее начальству ватажному как выдающее получающему. В действительности дело обстоит иначе. Учет передаваемой рыбы ведут только писцы ватаг. Никаких писцов, которые представляли бы рыболовов, на изображении нет. И нет потому, что рыболовы и их начальники состояли при тех же ватагах, обслуживали их и подлежали учету ватажных писцов. *Ватаги, их начальство, их писцы, обслуживаю-*

⁷ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 4, с. 290.

ищие ватаги рыболовы составляют единое хозяйственное целое, и включение в него рыбаков — поставщиков пищи — доказывает, что кормление ватаг хозяйством было предусмотрено самим его строением, было для него законом.

Само собой разумеется, что изображенное в гробнице *K'-гм.н.(й)* было не единичным явлением, свойственным одному хозяйству данного вельможи. Имевшее место здесь выражало, конечно, общепринятый способ хозяйствования, было только частным проявлением общего порядка. Подтверждением тому служит сильно, к сожалению, поврежденное изображение в гробнице *Чий*, представляющее собою первоначальное и, по-видимому, более краткое «издание» того, что впоследствии воспроизвел у себя в гробнице *K'-гм.н.(й)*. Как у последнего, в нижнем поясе под изображением рыбной ловли помещается шествие мужчин, в данном случае в количестве не менее восьми (у *K'-гм.н.(й)* их девять, девятый у *Чий* мог быть на месте теперешней выбоины), тяжело нагруженных рыбью, которую они тоже несут в руках, на шестах и в корзинах. Точь-в-точь как у *K'-гм.н.(й)* над концом шествия представлены сети, развешенные для просушки на кольях, и перед ним опять-таки рыбакские кошели. В точности совпадает и конец надписи: «——— деяние большое весьма на смотр». У *K'-гм.н.(й)*: «Доставка рыбы как деяние большого весьма на смотр». Судя по воспроизведению от руки (ТТ) — снимок (GT) нечеток, но не исключает такое чтение,— перед «деянием» сохранилась буква т. У *K'-гм.н.(й)* здесь слова *м* (предлог «как»). Если т здесь действительно имеется, оно могло бы быть окончанием *мхът* «рыба», но тогда у *Чий* пришлось бы предположить пропуск *м* и читать «рыба деяния большого весьма». В отличие от *K'-гм.н.(й)* шествие у *Чий* движется не справа налево, а слева направо, но, что было изображено правее восьмого с конца мужчины, в точности сказать невозможно, так как здесь начинается досадная выбоина в стене. К несчастью, ни по одному из изданий нельзя установить и размеров выбоины. Продолжение изображения на ней дано только в ТТ. Все, что здесь еще видно, это двое мужчин, сидящие на земле, с левой рукой у груди и приподнятой правой — как у знака мужчины — и глядящие навстречу шествию. За обоими конец отвесной строки, содержащей пояснение к изображениям на стене в целом, и затем большая ступня вельможи, смотревшего на изображенную деятельность. Под надзором хозяина кормление производилось и у *K'-гм.н.(й)*. Единственное слово, уцелевшее внизу столбца,— то же, что и в конец отвесной строки у того вельможи,— *джт* (у *K'-гм.н.(й)*): «——— распределение рыбы соединениям дома собственного (*пр* *джт*)». Хочется думать, что сидящие на земле мужчины — начальники ватаг, ожидающие выдачи рыбы. У *K'-гм.н.(й)* ватажное начальство тоже сидит на земле, только положение рук несколько иное. Если такое истолкование сидящих мужчин верно, изображение у *Чий* было

построено правильнее, чем у *К'-гм.н.(й)*. У последнего рыболовы подносят рыбу сзади получающих ее ватажных начальников, вместо того чтобы подносить ее к ведущим учет писцам или главным рыболовам — раздатчикам. У Чай, где теперь выбоина, могли быть некогда мужи, занятые раздачею, тогда рыболовы сзади подносили бы к ним рыбу, а они передавали бы ее сидящим лицом к ним начальникам ватаг. Хотя самой передачи рыбы из рук в руки у Чай не видно, сходство уцелевших изображений и надписей с имеющимися у *К'-гм.н.(й)* настолько велико, что вряд ли можно сомневаться в том, что обе гробницы содержали, по существу, одно и то же изображение. Гробница Чай была построена в середине правления V царского дома, гробница *К'-гм.н.(й)* — в начале царствования VI дома; так что одна постройка отстоит от другой во времени на много десятков лет. Увековечение в обоих усыпальницах одного и того же хозяйственного явления — кормления ватаг — наглядно доказывает, что это явление могло иметь место в любом вельможеском хозяйстве и в разные поры Старого царства.

Поскольку вельможеское земледелие обслуживали ватаги, уместно будет ознакомиться с тем, как кормились на поле люди, работавшие там на хозяев.

На одной из сцен усыпальницы *Схм-снх-пхъ* вельможа представлен смотрящим на «работы поля», и эти работы изображены перед ним в пяти полных и одном укороченном поясах. Последний — самый нижний и укорочен в конце, противоположном изображению вельможи. В первом поясе сверху изображена доставка животных пустыни; во втором — ловля водяной птицы и обычная на реке драка лодочников; в третьем — пахота на быках, сев и пахота с помощью баранов, втаптывающих зерно в землю; в четвертом — уборка льна и жатва; в пятом поясе показано, как от вельможи, справа налево, гонят за снопами порожних ослов и им навстречу, слева направо, гонят ослов, нагруженных урожаем; позади последних, в самом левом конце, изображение, о котором речь будет сейчас ниже; в шестом поясе управление вельможеского хозяйства учитывает зерно, а дальше налево изображены веяние, молотьба путем прогонки по хлебам ослов и, наконец, совсем слева складывание снопов в скирду. Занимающее нас сейчас изображение заполняет пятый пояс не во всю высоту его, а только в верхней его половине; ниже не заполненное изображениями пространство, вдающееся прямоугольным возвышением в пятый пояс и продолжающееся через весь шестой, тем самым срезая его слева. Узкое продолжение пятого пояса художнику надо было чем-нибудь заполнить, и он заполнил его следующим подходящим по размеру изображением. Справа на земле стоит большая сумма и поверх нее две скатки — плащи или циновки из болотных растений, скатанные, свернутые петлей и перевязанные; за ними тщательно сложенные и связанные вместе снопы; дальше налево навес, держащийся на тонких шестах. К потолку под-

вешены два куска мяса, большой и поменьше, и одна водяная птица, гусь или утка. Под навесом поставлены сосуды: один, широкий и высокий, непосредственно под мясом и потому, возможно, полный им же в соленом виде, и другой, с узким горлышком, и потому, несомненно, с напитком; он напоминает большие винные сосуды вроде амфор; у него должно быть остроконечное дно, воткнутое в землю, так как с боков сосуд поддерживается двумя небольшими «холмиками». Между сосудами стоит корзина с хлебами, и на нее и далее позади левого сосуда свалена грудами до потолка всякая снедь: хлебы, два кочана зелени (салат латук) и две плоские корзины со смоквами, гроздь винограда. Что все эти припасы, помещенные под особым навесом, предназначены для участников полевых работ, не подлежит сомнению. Изображение находится в земледельческом окружении: выше два пояса с пахотой, севом, жатвой и уборкой льна, слева увоз урожая и его обмолот. И точно для того чтобы не осталось и тени сомнения, перед навесом с припасами сложены тщательно связанные снопы. Наше изображение непосредственно примыкает к ослам, нагруженным снопами и угоняемым навстречу порожним, направляющимся как раз к снопам, сложенным перед навесом. Таким образом, последний не только связан с полевыми работами, но находится на самом поле, где сложены снопы для увоза их на гумно. Совершенно неправдоподобно, чтобы сваленные в груду припасы могли принадлежать отдельным хозяевам. Притом там, где наблюдается некоторый порядок в размещении предметов, он явно основан не на принадлежности их отдельным владельцам, а на вещественном сродстве между собой: куски мяса висят в переднем конце навеса, и под ними широкий сосуд, возможно, с мясом же; наоборот, хлебы, что не в корзине, свалены в значительном количестве вместе в задней части навеса. Единственное удовлетворительное объяснение изображения получим, если предположим, что земледельцы Схм-снх-птхъ пользовались на поле общим довольствием.

Другое, еще более наглядное изображение питания работников на поле содержится в гробнице *X'єтп-х'єр'-хт(й)* (DAR: XXI). Рядом представлены жатва хлеба и уборка льна. На участке со льном между двумя мужчинами, дергающими лен, изображен третий, который обеими руками приподнимает сосуд и, откинувшись, пьет прямо из горлышка. На участке с хлебом один из жнецов приостановил работу и, засунув серп под мышку, угощается луком. Отчетливо виден стебель, смутнее — головка, но, что это лук или чеснок, видно по тому, что в левой руке, которую он далеко вытянул перед собою, он сжимает пучок несомненно таких овощей: здесь головки и длинные стволы не оставляют в том никаких сомнений. Хотя между этим мужчиной и пьющим работает один из уборщиков льна, далеко отставленную руку первого можно понять только в том смысле, что он протягивает пучок зелени пьющему товарищу. Лукови-

цу, которою он сам закусывает, он вытянул, надо думать, из этого же пучка, а взять пучок он мог только из объемистой корзины, стоящей тут же у его ног и полной хлебами и пивом: из двух больших островерхих предметов, высывающихся из корзины по бокам от сложенных в середине хлебов, правый, несомненно, пивной сосуд, так как его остроконечный верх — глиняная шапка-закупорка — отделен от низа, как то обычно бывает на изображениях пивных сосудов, поперечной чертой. Оба мужчины, закусывающий и пьющий, рядовые работники: первый — простой жнец, так как под мышкою у него серп, и оба обнажены так, как обыкновенно обнажались только непосредственно за телесной работой. В отличие от окружающих работников, стройных и с густыми волосами, оба они производят впечатление людей более дородных, в особенности едок, и даже лысых или по меньшей мере имеющих многое более скучные прически. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что оба они представляют пожилое поколение и именно потому и изображены подкрепляющими себя во время работы, что нуждаются в таком подкреплении. Представляется невероятным, чтобы большую корзину, полную хлебом и пивом, закусывающий мужчина вынес на поле на самое место жатвы для одного себя. Это не только предполагало бы невозможную вместительность его желудка, но и поставило бы нас перед вопросом: почему соответствующих корзин нет у других работников? Допустим, что молодые не нуждались в подкреплении на самом месте работы, и было неестественно помещать корзину с припасами около передвигающегося по полю жнеца, однако у пьющего мужчины она должна была бы иметься, если бы каждый выходил на поле с собственной едою. Но корзины у этого мужчины нет просто потому, что вместительная корзина у ног его товарища рассчитана и на него: ведь его товарищ как раз протягивает ему пучок чеснока или лука, который взял из общей корзины. Если можно было бы придавать значение тому, что закусывающий — жнец, а пьющий — уборщик льна, то можно было бы заключить, что *работавшие на поле независимо от того, какой работой они в данный отрезок времени занимались, пользовались одними и теми же припасами*.

Любопытно, хотя и не совсем понятно изображение в гробнице областного князя *Пайи-сих* Среднего (RTM IV:XIV). Изображено поле со спелым хлебом и на нем трое жнущих мужчин. Перед ними, лицом к ним, изображены двое других. Задний по своему наряду — куску ткани вокруг бедер — мог бы сойти за землемельца, тем более что между ладонями он изо всех сил растирает пучок колосьев, — надо полагать, для собственного потребления. Однако надпись над этим мужчиной величает его несколько неожиданно «честным мужем царевым *Н-нки*». Идущий перед ним мужчина (следовательно, стоящий перед самыми жнецами) несет и ведет всякую живность — теленка, двух гусей или уток, перепелку — и, кроме того, несет

сосуд с молоком, судя по листу, положенному черенком вверх на сосуд для предупреждения скисания содержимого. Это — лицо, несомненно, чиновное. В отличие от окружающих на нем передник с большим треугольным выступом спереди. Однако небритые волосы на щеке и над верхней губою, как у многих простых работников на изображениях в гробнице, птицы, теленок и молоко вряд ли позволяли бы предполагать у изображенного тот высокий сан, который ему придает приписка вверху. Он тоже оказывается «честным мужем царевым» по имени *Ттй-снх*. Титла и имена надписывались подчас над готовым изображением, совсем не предназначенным увековечить на гробничной стене определенное лицо, и подписывались, бывало, невпопад, хотя, надо сознаться, явных несуразиц при этом избегали и в общем держались в пределах возможного. Конечно, именитый мужчина в выступающем переднике со своим теленком, птицами и посудой никак не совершают приятной прогулки по спелым нивам. Нельзя сомневаться, что он доставляет продовольствие себе или другим. За то, что это продовольствие предназначалось для него лично, могло бы говорить соседство с мужчиной, растирающим ладонями колосья явно в пищу самому себе. Однако зачем было вести и нести на поле такое количество живности для одного человека? Не предназначалось ли все это для работников? С назначением для них хорошо согласовалось бы положение руки, в которой муж с треугольным передником держит за крылья двух гусей или уток. Рука согнута в локте и приподнята на уровень плеч, как если бы мужчина показывал или подавал свою ношу работающему перед ним жнецу. Особенно же примечательно, каким призывом разражаются в сторону его стоящий перед ним жнец или жнецы: «Пиво ко (мне)! Режу (я) (зерновой плод) биш'». Этот возглас не отвечает в точности положению: в руках у несущего нет пива, а жнецы жнут хлеб, а не биш'. Тем не менее это все-таки просьба о продовольствии и ввиду живности и питья в руках предстоящего вряд ли может не иметь к нему никакого отношения. Притом настроение явно обеденное, как доказывает поведение мужа, растирающего себе ладонями хлебное зерно. Правда, то, что несет и ведет пришедший на поле мужчина, за исключением одного молока, еще нуждается в приготовлении, чтобы стать кушаньем, но в таком же приготовлении оно нуждалось бы и в том случае, если бы предназначалось для самого носителя.

Возвращаясь к возгласу жнеца, имеющему как будто бы отношение к доставке жнецам довольствия и в то же время странным образом не соответствующему обстановке, надо заметить, что это отнюдь не случайный призыв, вырвавшийся самоизвольно у данного работника, а ходячая присказка, обычная у жнувших. В точности тот же возглас: «Пиво ко (мне!) Режу (я) биш'» — издают жнецы и на изображениях в гробницах *Mrr-в(и)-к'* (MM:CLXVIII) и *Xъtn-xър'-хт(и)* (MAE:347=

=DAR:XXI). На изображении у *Mpp-w(й)-k'* неясно, к кому взвывает жнущий ячмень мужчина: перед ним два других жнеца, а за ними два лица, смотрящие на жатву сложа руки и потому, несомненно, являющиеся должностными лицами. Они одеты в передники с большими треугольными выступами и этим напоминают мужа с птицами и теленком в гробнице *Пий-снх* Среднего. Однако тот нес и вел на поле живность, а у этих двух нет в руках ничего, и вряд ли призыв был рассчитан на то, чтобы побудить их возыметь что-нибудь и дать взывающему, так как оба они входят, по-видимому, в сопровождение вельможи, обозревающего полевые работы (оба они стоят непосредственно перед ним). В гробнице *Хътп-хър'-хт(й)* около жнецов, над которыми написан возглас, изображен мужчина в простом наряде и с приподнятыми, держащими что-то руками. К сожалению, изображение повреждено и по снимку нельзя определить, что было в руках у мужчины. Письмена в возгласе повернуты ему навстречу, так что возглас мог быть обращен к нему. Если в руках у него было пиво или какое-нибудь иное продовольствие, просьба была бы небес предметной и мы имели бы изображение, сходное с вышеописанным из гробницы *Пий-снх* Среднего. Если бы то было так, повторное соединение возгласа с изображением доставки на поле продовольствия недвусмысленно показывало бы, что он относился к продовольственному снабжению, а доставляемое предназначалось в пищу жнецам.

Примечательны два надписанных изображения в гробнице областного князя *Пий-снх*. На одном из них работники рвут на поле лен и вяжут его в снопы (RTM V:XXX). Работа мыслится широкого размаха: «льна снопов 6200». Мужчина дородный и с лысиной (?), следовательно пожилой, обращается к товарищам со словами: «Творите, спешите (и) дадите вы есть наряду этому хлеб-пиво» (с определителем длинного хлеба, значит, «пищу» вообще). Слово, переведенное мною как «наряд», по-египетски *х'* с определителями мужчины и множественного числа. Тут же другой работник говорит: «О муж, открывающий в *хвт* своем; третий же отвечает ему: «Я — это, имеющий творить во время». В словаре есть древнее слово *хв* «барщина, принудительная работа»⁸, но нет слова *хвт*, есть только новоегипетское *хвти* «обозначение занятия (связанного с судостроением и судоходством)»⁹. Как показывает определитель у нашего *х'* — знак мужчины с тремя черточками мн. ч. — в виду имеются не работы, а выполняющие их люди. Новоегипетское *хвти* должно быть производным (нисбой на *й*) от слова *хвт*. Странно, что его нет в словаре, потому что оно неоднократно встречается в староегипетских гробницах: помимо *Пий-снх* у *Mpp-w(й)-k'* (MM:CLXVIII и GAR:XXVII), точно-вточно в таком же возгласе, и затем в сходном возгласе у

⁸ Там же, Bd. 2, с. 475.

⁹ Там же, с. 485.

K'-хъй.ф: «Ты где, открывающий в *хвт* своем?» (ответ: «Я — это», G VI: между 136 и 137). В последних трех гробницах убирают не лен, а хлеб. Не значит ли «открывающий в *хвт* своем» — «передовой в своем судовом отряде»?

Другое надписанное изображение находится вблизи первого, но не бок о бок с ним; непосредственно рядом помещается изображение птичьей ловли. Представлен навес с подвешенными к потолку мясом, птицей и рыбой, на полу под ними корзина с напитками, хлеб и горшок. На земле сидит мужчина, жарящий на вертеле утку, и против него другой, лепящий лепешку. Между ними стоит мальчик, и второй мужчина говорит ему: «Дай объявиться (т. е. сделаться) этому, (и) воззовешь ты к добрым (молодцам), чтобы им есть хлеб-пиво (т. е. пищу: четыре знака хлеба и знак винного сосуда)».

Кто же эти «добрьи (молодцы)», по-египетски *нфре*? Слово это не редкость на староегипетских памятниках, но, к сожалению, в титлах чиновных лиц оно далеко не всегда понятно. Тем не менее при употреблении во множественном числе оно не представляет больших трудностей для понимания.

В поминальном храме царя *Нфр-к'р^с* *Пай* II изображено шесть «добрьи (молодцев)», влекущих сани с уложенным царем зверем (гиппопотамом). Царь поразил его острогою с челна, так что охота происходила на воде. Одежда сполна видна на одном из шести (на других пяти она или заслонена, или разрушена), и на нем ею служит ленточный передник. Изображение совершенно такого же рода, что и те в вельможеских гробницах, на которых «ватаги» влекут сани с изваянием *сановника*. Несомненно, «добрьи (молодцы)» у *Пай* II те же «ватажники», а в другом поминальном храме — царя *С'хъ-в(й)-р^с* — мы находим тому и полное подтверждение как изобразительное, так и письменное (GKS II:IX). Ниже царского парусного судна изображено двенадцать бегущих мужчин, из которых девять в ленточных передниках, а трое передних — в цельных опоясаниях (начальство?). И если у всех в руке палка, то у самого переднего мужчины в руках нет ничего (главный начальник?). Из надписи над мужчинами мы узнаем, что это корабельный отряд (*ср*) «*С'хъ-в(й)-р^с* — честной»; в надписи перед ними говорится о сопровождении, состоящем из «добрьи (молодцев)»: «*r'* (смысл неясен) сопровожд(ения?) из (?) добрых (молодцев)». Того же рода надпись имеется и на другом изображении в храме (GKS II:LII), но там она стоит перед мужчинами в ленточных передниках, склонившимися и опустившими палки до земли. Там она и несколько длиннее, и в ней говорится не только о сопровождении из «добрьи (молодцев)», но и о корабельных отрядах: «*r'* сопровожд(ения?) из (?) добр(ых молодцев корабельных) отрядов». Над другими людьми в подобных положениях и одежде значится название отряда: «*С'хъ-в(й)-р^с* любим» (ср. то же название над погибшим изображением ниже частично уцелевшего).

В поминальном храме царя *H(й)-вср-рс* тоже имелось изображение, на котором были «добрьи (молодцы)». От надписи остались слова: —— *йн нфр(в)* —— «добрьими (молодцами)» или «это добрые (молодцы)» (GrKN:78).

В гробнице *Хѣтп-хѣр-н(й)-пtxъ*, обладателя множества разнородных должностей, в том числе должности «распорядителя ватаг», мы читаем: «(Жрец-)установщик главный, великий (среди) видящих (т. е. верховный жрец солнца), распорядитель ватаг, распорядитель заводи всякой, которому царь дал сотворить носилки (*сбнр*)¹⁰, (и) это добрые (молодцы были) носившими его в них позади царя — никогда не было сотворено (такое) человеку всякому (т. е. какому-либо) — *Хѣтп-хѣр-н(й)-пtxъ*» (UAR:231). Вспомним ватажников, носящих вельмож в носилках, на изображениях в гробницах.

В корабельном окружении значатся в титлах *Сшмв* его звания, связанные с «добрьими (молодцами)»: «Сокровищник бога (т. е. царя) на двух кораблях больших, распорядитель войска, распорядитель дома оружия войска, чиститель (т. е. умывальщик) царя, распорядитель работ царя, (тот), кто над тайною приказания словесного царя, (тот), кто в сердце владыки своего, (тот), кто над тайною бога своего, [распо]рядитель двух ватаг бога, распорядитель двух (корабельных) отрядов двух кораблей больших, распорядитель предводителей добрых (молодцев), сокровищник бога *Сшмв*; «Сокровищник бога на двух кораблях больших, распорядитель работ всех царя, распорядитель двух ватаг бога, любимый владыкой своим, (тот), кто над тайной приказания слова царя, (тот), кто в сердце владыки своего, наперсник владыки своего, (тот), кто в чести у бога своего, наставник слуг божьих (т. е. жрецов), распорядитель дома оружия войска, распорядитель обеих житниц, предводитель ватаг бога, распорядитель отрядов двух кораблей больших, (тот), кто над тайною, распорядитель предводителей добрых (молодцев), (тот), кто в чести у бога большого, наставник чистителей царевых, любимый владыкой своим, сокровищник бога в двух кораблях *Сшмв*» (DAeAe II:XCVII a). Само основное звание *Сшмв* «сокровищник божий на двух кораблях больших» имело прямое отношение к судоходству, так как обозначало лицо, привозившее царю ценности. Наконец, в староегипетских надписях неоднократно встречается звание «предводитель (корабельного) отряда добрых (молодцев)» (M:IX; MAE:88, 89; ETSOSMAEC:III 4=UAR:230; в последнем случае рядом с должностью «наставник корабля»).

Было бы опрометчиво утверждать, что в Старом царстве «добрьми молодцами» звались только корабельные молодцы и никакие другие. Тем не менее очень похоже на то, что основное употребление слова было именно таким.

¹⁰ Sethe K. Urkunden des Alten Reichs H. 2, 2.Aufl. Lpz., 1932—1933 (Urkunden des aegyptischen Altertums. 1. Abt.), c. 231, f—f.

Касательно снабжения ватаг одеждою известий не имеется, но уместно будет привести скорописное письмоцо времени VI царского дома, найденное в Мэнфе на западном берегу, однако-толкующее о рабочих, занятых на противоположном берегу в каменоломнях¹¹.

«[Год царствования] 11-й, месяц Жатвы, число 23-е.

Распорядитель войска сказывает: Было доставлено писание верховного судьи (и) правителя слуге там (т. е. твоему по-корному слуге) (о том), чтоб доставить соединение (из числа) отрядов (каменоломен) *P'-в*, чтобы одеть обок (т. е. в присутствии) его на (или: у?) (сооружении) *срх* добром весьма, а слуга там говорит против требования (по части) местностей (?); письмоносец придет в *P'-в* вместе с широкой ладьею (т. е. грузовым судном для камней), а слуга там брал (т. е. проводил) 6 дней в столице с соединением этим, пока не было одето оно — ущерб работе это в руке слуги там,— а день ведь единый, имеющий быть отнятым у соединения этого, (когда) одевается оно. Сказывает слуга там: „Дай знать письмоносцу“».

Общий смысл этого письмца давно разгадан наукой, и разгадан, думается, правильно, но то, что нам особенно существенно было бы знать,— кто были люди, получавшие одежду,— остается, к сожалению, невыясненным.

Из того, что отправитель не называет по имени ни себя, ни верховного сановника, был сделан вывод, что он, подобно последнему, был важным лицом, не каким-нибудь второстепенным, а военным начальником каменоломен, из которых добывался камень для облицовки царских пирамид¹². Из того, однако, что пишущий смиренно именует себя «слугою там», было выведено, что он по своему общественному положению стоял ниже вельможи, к которому обращался¹³. Все это очень правдоподобно. Но только вряд ли следует умозаключить, что сановником, больше начальника главных каменоломен, мог быть только сам верховный сановник, так называемый «везир». При подобном умозаключении письмо производило бы непочтительное впечатление. Верховный сановник не был бы назван в заголовке, но зато упомянут в самом письме в третьем лице без какого-либо почтительного введения вроде «владыка мой». Да и само третье лицо вместо второго, притом без всякого введения, которое указывало бы, что упоминаемый сановник есть собеседник пишущего («владыка мой такой-то»), представляется странным в письме. Естественнее потому будет предположить, что высокопоставленное лицо, которому писал военачальник,

¹¹ Gunn B. A Sixth Dynasty Letter from Saqqara.— ASAE. 1925, t. 25, c. 242—255; Gardiner A. H. An Administrative Letter of Protest.— JEA. 1927, vol. 13, c. 75—78.

¹² Gardiner A. H. An Administrative Letter, c. 76.

¹³ Там же, примеч. 1.

нетождественно с верховным сановником¹⁴. У начальника над рабочими главных каменоломен могло быть и другое непосредственное начальство, нежели верховный сановник, притом достаточно сильное, чтобы вступиться перед последним за своего подчиненного. Таким начальством мог быть «распорядитель работ всех царя». Носители этого высокого звания часто упоминаются в староегипетских надписях, и нередко то бывали самые видные лица в государстве — царевичи и сами верховные сановники.

Содержание письма сводилось, наверно, к следующему¹⁵. Верховный сановник потребовал, чтобы люди из каменоломен были доставлены к нему на левый берег для получения ими там одежды; военачальник возражал против этого, указывая, что одежда могла бы быть прислана в каменоломни в ближайший приезд туда письмоносца с грузовым судном и тем самым предотвращена потеря рабочего времени; из опыта-де ему известно, что поездка с людьми в столицу за одеждой занимает целых шесть дней, на месте же все могло бы быть проделано в один.

Для занимающих нас сейчас вопросов существенно было бы знать, кем были подчиненные военачальника: воинами, отправленными на работы в каменоломнях, или гражданскими рабочими, подчиненными военному начальнику. На основании письмеца, однако, решить это ни в том, ни в другом смысле нельзя. Звание военачальника предрасполагало как будто бы в пользу первого решения, но если это военачальник распоряжался главными государственными каменоломнями в целом, под его начальством должно было быть множество самых разнообразных работников, а не одни воины. Что люди, которых надо было одеть, составляли одно «соединение», ничего также не доказывает, так как «соединения» были не только в войске, но и в производстве (о ватагах, в частности под тем же обозначением «соединение», см. § 18—24).

¹⁴ Cp.: *Hunn B. A Sixth Dynasty Letter*, c. 244.

¹⁵ *Gardiner A. H. An Administrative Letter*, c. 76—77.